

4 ноября 1996 г.

Обеденный перерыв шел уже около двадцати минут, когда смешанная группа волшебников и ведьм вошла через главные двери, не пытаясь быть скрытной. Гарри и профессор Липфарвест были с четырьмя другими людьми, одетыми в мантии авроров. Группа прошла по центру комнаты и остановилась прямо перед главным столом.

По счастливой случайности, профессор МакГонагалл руководила обеденным столом. Она встала, когда группа подошла. — Мадам Боунс, чем я могу вам помочь?

«Здравствуйте, профессор. Не могли бы вы сказать профессору Дамблдору, что мы здесь, чтобы увидеть его?» Хотя Амелия Боунс была главой DMLE, она всегда уважала Минерву МакГонагалл и хотела обращаться с ней вежливо.

— Конечно, я пошлю за ним. Могу я узнать, в чем дело? Она сцепила руки перед собой, чтобы скрыть свой ужас, что имело противоположный эффект.

"Мне очень жаль, Минерва. Это официальное дело, нам придется подождать его. Мы можем подождать в вестибюле, если вы не возражаете?"

В Большом зале было в основном тихо, если не считать шороха одежды, когда студенты передвигались, чтобы лучше видеть.

Несколько минут спустя в поле зрения появился Дамблдор, каждый дюйм которого казался хозяином своего замка. — Амелия! Какой приятный сюрприз. Не хочешь подойти к...

У нее их не было. «Альбус Дамблдор, вы арестованы за незаконное использование чар памяти, сводничество, коррупцию и использование служебного положения в личных целях. Пожалуйста, подойдите тихо».

Гарри и профессор Липфарвест стояли на виду у зала и смотрели, как лицо Дамблдора побледнело. Его фальшивое добродушие с блестящими глазами просто не помогло бы ему пройти через это, и они хотели увидеть его гибель воочию.

Новейший молодой учитель школы вышел вперед первым. «Ты грязный, отвратительный старый извращенец! Тебе повезло, что Гарри освободился прошлым летом. В противном случае тебе грозило бы дополнительное обвинение в сговоре с целью совершения изнасилования, предусмотренного законом». Она сплюнула — демонстрируя внушительную дистанцию и точность — прямо на пол у его ног.

Следующим заговорил Гарри. «Ты просто не мог отпустить это. Ты просто не мог признать тот факт, что ты неправ. Тебе просто нужно было продолжать быть помешанным на контроле. улики, которые я представляю на вашем суде — улики, кстати говоря, доказывающие, что вам

нельзя доверять освобождение под залог.

Дамблдор посмотрел в потолок, словно что-то ища. Это не ускользнуло от внимания Гарри. — Нет, директор. Фоукс и его друзья-фениксы помогают только волшебникам Света, чьи мотивы истинны и чисты. А не жадным до власти старым сексуальным извергам.

— Очень хорошо, Амелия, — наконец сказал Дамблдор. — Давай посмотрим, сможем ли мы все это исправить, ладно? Он протянул свою палочку ближайшему аврору и принял наручники аппарации на запястье, прежде чем исчезнуть.

Λ

«Вот видите, профессор», — сказал Гарри МакГонагалл в ее кабинете. «Он надеялся найти новый способ контролировать меня. Он стер память профессора Липфарвест, а затем наложил на нее древнее заклинание принуждения, чтобы заставить ее соблазнить меня в классе Защиты. Либо он решил контролировать меня, заставляя меня оставаться рядом с ним. к снабжению... ну, снабжению... или он собирался собрать улики и использовать их, чтобы шантажировать меня».

МакГонагалл наклонилась вправо и взяла бутылку огневиски. Не заморачиваясь с очками, она сделала глоток прямо из бутылки. Довольно некрасиво швырнув бутылку на стол, она пробормотала: «Черт возьми... Гарри, я хочу...» Она замолчала.

— Я тоже, друг мой, — тихо ответил Гарри. "Я тоже."

Все трое были в офисе с запертой дверью и игнорированием звонков, так как авроры ушли с Дамблдором под стражей. Профессор Липфарвест наклонился вперед и осторожно взял бутылку из рук МакГонагалл. — Дай мне вот это, — сказала она. Взяв в руки крепкий напиток, она налила себе приличного размера. — Знаешь, Минерва...

— Наверное, нет, — возразила заместитель директора. «Раньше я много знал. Сегодня... Ах! Сегодня я не знаю. Мне три целых целых два ледниковых периода, и я ни черта не знаю».

Он взял руку МакГонагалл и держал ее левой на ее столе. Затем он взял руку Липфарвеста в свою правую и держал ее между их стульями. "Ну, ну. Мы все знаем лучше, чем это. Я, конечно, лучше знаю."

Гарри не пил, но все равно остался - ему нравилось общество этих двух необычных женщин. Они оба были в депрессии и прямо сейчас нуждались в друге; МакГонагалл, потому что ее обманули, и Липфарвест, потому что теперь она думала, что недостаточно мила, чтобы преуспеть в соблазнении такого молодого человека, как Гарри.

«Гарри, я в беспорядке», — сказал молодой учитель. — Я имею в виду, здесь, в моей голове.

Она ткнула себя в лоб, чтобы показать, на случай, если Гарри не знает, где ее голова. «Я должен был хотеть тебя. Потом ты вычистил мне голову, и я не должен хотеть тебя, потому что ты студент». Она энергично кивнула, при этом ударившись подбородком о собственную грудь. — Так почему я?

Гарри не сказал ни слова и не посмотрел ни на одного из них. Он знал, что ничто из того, что он скажет, не поможет двум женщинам разобраться в этом — им просто нужно поговорить. Чтобы проветрить.

— Ты такой хороший человек, Гарри, — сказала она. А потом начал плакать. Услышав фыркание слева от себя, он поднял глаза и увидел, что МакГонагалл тоже плачет.

У Гарри не было большого жизненного опыта в утешении плачущих женщин. Особенно пьяные. Но он определенно чувствовал душевную боль, когда видел одного, а он видел сразу двоих из них. Не отпуская ни одной из их рук, он стоял достаточно долго, чтобы позволить своим мыслям превратить свое кресло в удобный давенпорт. Затем он потянул обеих женщин за руки к себе.

Оба сопротивлялись, конечно. Оба смущены тем, что их поймали плачущими перед учеником. «Чертова британская чопорность», — подумал он. Не разрешается просить о помощи, когда тебе больно? Чушь. Он потянул их руки еще сильнее, пока они не уселись по обе стороны от него. Затем он обнял их за плечи и притянул к себе, крепко обнимая. Он прижимал их обоих к себе, издавая воркующие звуки и «там, там», пока слезы не прекратились, а затем всхлипы прекратились, и он понял, что они спят.

Проскользнув между ними, он превратил давенпорта в кровать, сменил их мантии на пижамы и уложил их обоих. Взмахнув рукой, он удалил большую часть алкоголя из их систем, чтобы убедиться, что они не будут страдать от похмелья. утро. — Спокойной ночи, дамы, — пробормотал он, прежде чем уйти, запирая за собой дверь.

Стоя неподвижно в темном коридоре, не глядя ни на что конкретно, Гарри сказал: — Выходи, Гермиона. Все в порядке, они спят.

Он услышал шорох движения в нише за ближайшим доспехом. — Она... — прервала себя Гермиона. «С ними все будет в порядке? Сегодня им пришлось нелегко». Она выглядела совсем одинокой, стоя в одиночестве в темном коридоре, оглядываясь по сторонам, не зная, куда смотреть и боясь взглянуть на него. Боится отказа, который она может найти на его лице. Правая рука потеряла левую руку..

Тот факт, что она стояла там на холоде, прячась в темноте из-за заботы о своей любимой учительнице, трогал Гарри. Когда он говорил, его голос был нежным. «Я уверен, что с ними все будет в порядке, им просто нужно было с кем-то поговорить. Кто-то, кто не станет их осуждать».

Его правая рука держала посох, чтобы помочь ему встать. Он поднял левую руку, чтобы обнять

Гермиону. Она почти нырнула в него, яростно схватив его, словно цепляясь за собственную жизнь. Безудержно всхлипывая, она закричала: «Мне так жаль, Гарри. Мне жаль... Мне жаль... Мне так жаль...»

Гарри стоял там, обнимая ее, позволяя ей плакать ему в плечо. Третью плачущую женщину, которую он держал в тот день, точнее, третью за полчаса. Интересно, есть ли способ зарабатывать этим на жизнь, подумал он. Определенно менее утомительно, чем драться с плохими парнями или играть в квиддич.

«Тогда пошли. Я отведу тебя обратно в башню. Держись крепче». Гермиона схватила его еще крепче. Он повернул голову именно так ... и они оказались в гостиной Гриффиндора, не чувствуя никакого движения. Был еще ранний вечер, поэтому в комнате все еще было несколько студентов. Кто-то учится или просто тусуется. Рон поднял глаза от того места, где он сидел один со своей шахматной доской, не говоря ни слова. Он только кивнул в знак одобрения, увидев, как она плачет на Гарри; держала его так крепко, словно пыталась пройти сквозь него. Последний из старой толпы вернулся.

Рыдания Гермионы прошли через стадию всхлипывания и превратились в тихие (хотя все еще немного влажные). Он опустил губы к ее уху, потому что то, что он хотел сказать, было только для нее. "Я должен кое-что сказать вам. Я не буду говорить их сейчас." Он прижал ее к себе, чтобы она знала, что он имел в виду хорошее. «Когда я сделаю еще кое-что из того, что должен сделать... когда все это будет сделано... когда я снова смогу дышать... я скажу тебе то, что должен тебе сказать. Даю тебе слово».

Она не издала ни звука и не посмотрела на него. Но он чувствовал, как она медленно кивает на его груди. Дважды, медленно, прежде чем уйти и подняться по лестнице в женское общежитие.

Гарри смотрел, как она поднимается по лестнице, пытаясь привести волосы в порядок. Он завернул свои чувства в хороший, теплый узел и спрятал их; отложите их для использования в более благоприятный день. Его лицо снова приняло бесстрастное выражение, которое он показал миру в этом году. Он убрал эмоции, уязвимости, слабости. Отбросьте светлые, теплые мысли, из-за которых ему было слишком трудно размышлять о мрачных вещах, которые ему приходилось делать.

Пока его лицо снова не стало холодным железом.

Наблюдая за происходящим из-за своего шахматного стола, Рон снова кивнул, как бы говоря, что он это тоже одобряет.